

*Моим племянницам Ларе, Кате,
Ванессе и Виолетте — с любовью*

Посвящается Паскалине

Предисловие

Читатели довольно часто спрашивают меня, собираюсь ли я однажды «вернуться к триллеру, к так называемому нуару». Обычно я отвечаю, что это маловероятно, — иными словами, я совершенно убежден, что не вернусь. Однако на меня производит тягостное впечатление тот факт, что я собираюсь уйти без предупреждения. То есть ни с кем не простившись. А это не в моем духе.

Это объясняется тем, что с нуаром я расстался, сам того не желая. «До свидания там, наверху» — это не что иное, как исторический детектив. Он принял скверный оборот, однако развернул меня к литературному проекту о XX веке, который продолжает воодушевлять меня и отдалять от нуара.

Этот вопрос (то, что я, не простившись, расстался с этим жанром) продолжает огорчать меня, тем более что к концу трилогии *Les Enfants du désastre*¹

¹ В трилогию *Les Enfants du désastre* («Дети катастрофы») входят романы: «До свидания там, наверху» (*Au revoir la-haut*, 2013); «Горизонт в огне» (*Couleurs de l'incendie*, 2018) и «Зеркало наших печалей» (*Miroir de nos peines*, 2020). — *Здесь и далее примеч. перев.*

я приладил «Словарь влюбленных в детектив» (изд. *Plon*), который в некотором роде усилил мое сожаление.

Тогда я вспомнил о написанном в 1985 году романе, который еще никогда не отправлял ни одному издателю. Вскоре после его завершения в моей жизни начался сложный период. Когда он закончился, все уже было совсем не так, как прежде. Тот роман оказался слишком далеким от меня. И попал в ящик, чтобы больше никогда из него не выйти.

Однако составление «Словаря влюбленных» показалось мне отличным поводом этот роман перечитать.

Я столкнулся с несколькими приятными сюрпризами. Это довольно сумеречный роман, и я был удивлен, что в нем уже присутствует определенное количество сюжетов, мест и типов персонажей, которые я разовью впоследствии.

Действие книги происходит в 1985 году, в счастливом времени уличных телефонов-автоматов и карт автомобильных дорог, когда писатель мог не опасаться, что его история станет невозможной из-за мобильного телефона, навигатора, социальных сетей, камер наблюдения, системы распознавания по голосу, ДНК, централизованных цифровых картотек и так далее.

За мной закрепилась репутация автора, который дурно относится к своим персонажам, и уже с первого романа этот упрек, на мой взгляд, оправдан. Читатель не всегда легко сносит страдания персонажа, к которому привязался. Впрочем, в жизни ведь

это случается, верно? Друг, в течение нескольких минут унесенный инфарктом, товарищ, сраженный нарушением мозгового кровообращения, родственник, ставший жертвой дорожного происшествия, — в этом нет никакой справедливости. С чего бы романисту быть деликатнее, чем сама жизнь? Но то, что мы принимаем от жизни, мы не всегда готовы простить сочинителю. Потому что у него-то был выбор сделать иначе... А он этим выбором не воспользовался.

По-моему, в детективном жанре эта критика менее обоснована, чем во всех прочих. Именно в нем вполне предсказуемо обнаружить преступление и кровь, так что чересчур чувствительные могут выбрать другое чтение. И все же для некоторых читателей жестокость сюжета должна «держаться в определенных границах». Лично я убежден, что читатель ждет крови, смертей — иными словами, несправедливости — и что по своей реакции он просто определяет собственную неспособность повстречаться с ней.

Итак, вот мой первый роман.

Как обычно бывает в подобных случаях, принципиальный читатель будет судить о нем со всей строгостью, а дружелюбный — с благожелательностью. Перечитав его, я обнаружил множество недостатков, и когда пришла пора подумать о публикации, встал вопрос о том, насколько серьезную правку мне предстоит внести.

В 1946 году в предисловии к переизданию своего романа «О дивный новый мир» Олдос Хаксли писал: «Но бесконечно корпеть над изъянами двадца-

тилетней давности, доводить с помощью заплаток старую работу до совершенства, не достигнутого изначально, в зрелом возрасте пытаться исправлять ошибки, совершенные и завещанные тебе тем другим человеком, каким ты был в молодости, безусловно, пустая и напрасная затея»¹. «Дефекты его как произведения искусства существенны; но, чтобы исправить их, мне пришлось бы переписать вещь заново...» — признается он далее.

То же самое мог бы сказать и я.

Так что мне показалось наиболее верным представить читателям роман приблизительно в том виде, в каком он был написан. Я исправил несколько пассажей, которые затрудняли понимание. В остальном же внесенные мною изменения чаще всего носят характер косметический, но ни в коем случае не структурный.

«Черный» роман — нередко циркулярный: повествовательный цикл замыкается на себе самом.

А потому я счел достаточно логичным, чтобы моим последним опубликованным «черным» романом стал... именно первый, мною написанный.

П. Л.

¹ Перевод О. Сороки, В. Бабкова.

Соседка:

— Я думаю, она алкоголичка. Видал, как у нее дрожит губа?

Сосед:

— Ее трясет. Наверное, она во власти Зла. Должно быть, в голове у нее змеи.

Жерар Обер. Конфликт¹

¹ «Конфликт» (*Le Differend*, 1986) — пьеса французского писателя Жерара Обера (Gerard Aubert, p. 1951).

5 мая 1985 года

Матильда нетерпеливо постукивала по рулю указательным пальцем.

Вот уже больше получаса автомобили на трассе исполняли медленный вальс, а она все еще находилась в десяти километрах от тоннеля Сен-Клу. Движение замерло на долгие минуты, затем внезапно горизонт освободился, и прижатый к барьерному ограждению «Рено-25» сунулся влево и поехал: шестьдесят, семьдесят, восемьдесят... а потом снова резко остановился. Эффект аккордеона. Она еще поборется. Кстати, она приняла все меры предосторожности: выехала сильно заранее, как можно дальше оставалась на шоссе и решила съехать на платную автотрассу только после того, как навигатор сообщил, что там нет пробок.

— И все это ради того, чтобы вляпаться в подобное дерьмо...

Обычно Матильда говорит скорее красиво, она не из тех, кому хочется казаться вульгарной. Только наедине с собой она может допустить грубость, просто для разрядки.

— Надо было поехать в другое время...

Ее удивляло собственное легкомыслие. Еще никогда она не поступала столь непредусмотрительно. Опоздать в такой день! Матильда ударила по рулю кулаком; она была страшно зла на себя.

Матильда придвинула кресло поближе к рулю, потому что у нее короткие руки. Ей шестьдесят три года, она маленькая, толстая и тяжелая. Глядя на ее лицо, можно догадаться, что прежде она была хороша собой. Даже очень хороша. На нескольких фотографиях времен войны это необыкновенно изящная и очень чувственная девушка с гибкой фигурой и светлыми волосами, которые обрамляют смеющееся лицо. Теперь, разумеется, все увеличилось: подбородок, грудь, задница, однако она сохранила голубые глаза, четко очерченные губы и некую гармонию в лице, напоминающую о ее былой красоте. Если со временем ее тело стало дряблым, то к остальному, то есть к деталям, Матильда по-прежнему была внимательна: роскошная дорогая одежда (на это у нее есть средства), еженедельный визит к парикмахеру, профессиональный макияж, а главное, самое главное — руки с великолепным маникюром. Она может пережить появление новых морщин, упорно прибывающие килограммы, но не стерпела бы неухоженных рук.

Из-за избыточного веса (нынче утром весы показали семьдесят восемь килограммов) она страдала от жары. Дорожная пробка — это настоящая пытка. Матильда ощущала, как по ложбинке между грудями стекают струйки пота, — наверняка и ляжки со-

всем мокрые. Она нетерпеливо ждала, когда движение восстановится, чтобы воспользоваться сквознячком, который ворвется в опущенное окно и освежит ее лицо. Возвращение в Париж оказалось столь же мучительным, как и проведенные у дочери в Нормандии выходные; это было почти невыносимо. Они непрестанно играли в карты. Ее зять, этот придурок, непременно хотел посмотреть по телевизору Гранпри «Формулы-1», а в довершение всего в субботу подали маринованный порей, и Матильда потом всю ночь его переваривала.

— Надо было уехать вчера вечером.

Она бросила взгляд на приборную доску с часами, и с ее губ снова слетело бранное слово.

На заднем сиденье поднимает голову Людо. Это крупный годовалый далматинец с глупым взглядом и нежным сердцем. Время от времени он открывает один глаз, смотрит на тяжелый затылок своей хозяйки и вздыхает. Он не всегда полностью доверяет ей: у нее частенько меняется настроение, особенно в последнее время. Сначала все шло хорошо, но сейчас... Нередко ему случается схлопотать пинок под ребра, и он никогда не знает за что. Но он пес компанийский, из тех, что привязываются к хозяйке и не меняют своих взглядов даже в дурные дни. Просто он немножко остерегается ее, особенно когда чувствует, что она взвинчена. Сегодня как раз такой случай. Видя, как она дергается за рулем, он предусмотрительно ложится и притворяется мертвым.

С тех пор как Матильда выехала на трассу, она вот уже в двадцатый раз мысленно прикидывает путь

до авеню Фоша. По прямой она была бы там меньше чем через пятнадцать минут, но остается тоннель Сен-Клу, а это настоящее бедствие... Ни с того ни с сего она вдруг разъяряется на весь мир, а в особенности на дочь, которая вообще ни при чем, но это соображение Матильду не останавливает. Каждый раз, приезжая к дочери, она испытывает смертельное отвращение при виде этого по-мещански нелепого деревенского дома. Зять возвращается с тенниса, широко улыбаясь, с небрежно брошенным на шею полотенцем, как в телевизионной рекламе. Когда дочь занимается садом, можно подумать, будто это Мария-Антуанетта в Малом Трианоне. Для Матильды это зрелище — постоянное подтверждение того, что ее дочь умом не блещет, иначе с чего бы она вышла за такого идиота... Да к тому же американского. Но главное — идиота. Короче, за американца. К счастью, детей у них нет, и Матильда всерьез надеется, что ее дочь бесплодна. Или он. Неважно, кто из них, потому что она даже вообразить не осмеливается, что за детишки у них могли бы получиться... Мерзкие рожи, гаденыши. Матильда любит собак, а детей ненавидит. Особенно девочек.

— Я несправедлива, — говорит она себе, однако на самом деле так не думает.

Это из-за пробок. В те дни, когда она работает, все примерно так же: нервозность, нетерпеливость, окружение, да еще прибавьте к этому дорожное движение по выходным... А если бы пришлось перенести на следующее воскресенье? Она может сколько

угодно размышлять об этой работе, но не видит никакой иной возможности, кроме нынешнего воскресенья. Недельное опоздание... такого с ней еще не бывало.

А потом неожиданно, никто бы не понял, с чего вдруг, очередь из автомобилей внезапно рассасывается.

Необъяснимым образом «Рено-25» пронесется через тоннель Сен-Клу и в считанные секунды выскакивает на окружную дорогу. Заметив, что движение по-прежнему плотное, но автомобили едут, Матильда чувствует, как ослабевает напряжение в теле. У нее за спиной с облегчением вздыхает Людо. Матильда жмет на газ и выходит из ряда, чтобы обогнать плетущуюся перед ней машину, но тут же возвращается на место, вспомнив, что здесь полно полицейских радаров. Не делать глупостей. Она предусмотрительно встраивается в средний ряд за чудовищно дымящим «пежо» и улыбается: затаившаяся в Воротах Дофина морда радара внезапно направляет луч на левый ряд, который Матильда только что покинула.

Ворота Майо, авеню Великой Армии.

Матильда избегает кругового движения по площади Звезды, сворачивает направо и спускается к авеню Фоша. Она снова спокойна. Двадцать один тридцать. Она приехала чуть-чуть раньше. Как раз то, что нужно. А ведь была на волосок от опасности. И еще не может прийти в себя. Возможно, удача — составляющая таланта, поди знай. Она сворачивает в боковую аллею, останавливается на пешеходном

переходе, выключает двигатель, но оставляет зажженными габаритные огни.

Вообразив, что он уже дома, Людо на заднем сиденье вскакивает и начинает поскуливать. Матильда поднимает глаза к зеркалу заднего вида:

— Нет!

Она произносит это резко и безапелляционно, не повышая голос. Пес тотчас снова ложится, бросает на нее скорбный взгляд и, подавив вздох, закрывает глаза.

Тогда Матильда надевает очки, висящие у нее на шее на тоненькой цепочке, и роется в бардачке. Оттуда она достает какой-то документ, который собирается в очередной раз изучить, когда в нескольких десятках метров дальше отъезжает автомобиль. Матильда спокойно занимает освободившееся место, снова глушит двигатель, снимает очки, откидывается на подголовник и тоже закрывает глаза. Какое чудо, что она наконец здесь и вовремя. Она обещает себе впредь быть предусмотрительней.

На авеню Фоша царит полный покой, — должно быть, здесь очень приятно жить.

Матильда опускает стекло. Теперь, когда машина неподвижна, дышать в ней становится тяжеловато, пахнет далматинцем и пóтом. Хочется под душ. Позже. В зеркале заднего вида она видит вдаль мужчину, выгуливающего свою собаку по боковой аллее. Матильда испускает тяжелый вздох. Там, на авеню, стремительно мчатся малочисленные в этот час автомобили. Воскресенье. Высокие платаны едва трепещут. Ночь будет душная.

Хотя Людо спокойно лежит на месте, Матильда оборачивается к нему и, наставив на пса указательный палец, приказывает:

— Лежать, не шевелиться, ясно?

Он покоряется.

Она открывает дверцу, хватается обеими руками за кузов и с трудом выбирается из машины. Надо бы сбросить вес. Юбка задралась и смялась на ее огромной заднице. Она привычным жестом тянет за подол. Обойдя машину, открывает пассажирскую дверь, достает тонкий дождевик, надевает. Легкий теплый ветерок лениво колышет у нее над головой высокие деревья. Слева приближается мужчина с собакой; это такса, она обнюхивает колеса и натягивает поводок. Таксы Матильде нравятся, у них славный характер. Мужчина улыбается ей. Вот так порой завязываются знакомства: у обеих собаки, вы говорите о собаках, сходитесь. Тем более что мужчина с собакой еще очень даже ничего, ему от силы полтинник. В ответ Матильда тоже улыбается и вынимает правую руку из кармана. Заметив пистолет «дезерт игл» с глушителем, мужчина резко останавливается. Верхняя губа Матильды рефлекторно хищно приподнимается. В долю секунды ствол направляется мужчине в лоб, но тут же падает, и Матильда стреляет ему в гениталии. В изумлении он таращит глаза — информация еще не поступила в мозг; он сгибается пополам, наконец морщится и без единого звука валится на землю. Матильда с трудом переворачивает тело. Между ногами у него расплывается коричневое пятно и медленно растекается по тротуару.

Мужчина так и остается с открытыми от неожиданности и ошеломительной боли глазами и ртом. Матильда наклоняется и пристально разглядывает его. Он не умер. На лице Матильды можно было бы прочесть странную смесь удивления и удовлетворения. Как у толстого ребенка, с восхищением обнаружившего невиданное насекомое. Она не сводит глаз со рта, из которого короткими волнами изливается омерзительно пахнущая кровь. Кажется, Матильде хочется что-то сказать, от нервного возбуждения у нее дрожат губы и чуть подергивается левый глаз. Она приближает ствол оружия, приставляет его прямо к середине лба лежащего человека и издает что-то вроде хрипа. Похоже, глаза мужчины вот-вот вылезут из орбит. Матильда внезапно передумывает и стреляет ему в горло. От выстрела голова словно бы отделяется от шеи. Матильда с отвращением отступает. Сцена длится не больше тридцати секунд. Тут она вспоминает об оцепенелой от страха, напряженной и перепуганной таксе на поводке. Собака поднимает на нее одурелый взгляд и тоже получает пулю в голову. От выстрела половины таксы как не бывало, а то, что осталось, — это просто рваный кусок мяса.

Матильда оборачивается, оглядывает авеню. Все по-прежнему спокойно. Автомобили невозмутимо проносятся мимо. Тротуар пуст, как подобает тротуару в квартале богачей среди ночи. Матильда садится в машину, кладет оружие на пассажирское сиденье, включает зажигание и спокойно трогает с места.

Она с предосторожностью выезжает с боковой аллеи на авеню в сторону окружной дороги.

Людо, которого разбудил звук двигателя, поднимается на ноги и кладет голову на плечо Матильды.

Она снимает одну руку с руля, чтобы погладить морду далматинца, и ласково говорит:

— Хороший мальчик!

На часах двадцать один сорок.

Когда инспектор Васильев закончил свою работу, на часах было двадцать один сорок. В кабинете пахло потом. Единственное преимущество вечерних дежурств в уголовном розыске заключалось в том, что за это время он мог составить отчеты, которые давно был должен сдать комиссару Оччипинти: тот их требовал, но никогда не читал. «Сделайте мне обобщение, старина», — говорил шеф, горстями поглощая арахис. При одной мысли об этом запахе Васильеву становилось тошно...

Он, можно сказать, толком не пообедал и теперь мечтал открыть себе баночку... «Баночку чего?» — задумался он и мысленно заглянул в кухонный шкафчик. Горошек, зеленая фасоль, тунец в масле, посмотрим... Он не гурман и не обжора. Бывало, он невозмутимо признавался: «Я не люблю есть». Присутствующие, кто бы то ни был, тотчас начинали восклицать: «Невероятно! Как можно не любить есть?» Это ошарашивало всех, словно какая-то аномалия, антиобщественное поведение. Даже антипатриотическое. Васильев преспокойно продолжал двенадцать месяцев в году питаться мясными консерва-

ми, крыжовенным джемом и сладкими напитками; его желудок все терпел. Такая диета кого угодно превратила бы в толстяка, а вот он уже десять с лишним лет не прибавлял ни грамма. Вдобавок он имел преимущество: не приходилось мыть посуду. У него на кухне не водилось никакой утвари — только мусорное ведро и столовые приборы из нержавеющей стали.

Однако баночка консервов, не важно, с каким содержимым, отступила на второй план в очередности его дел, потому что прежде ему было необходимо съездить в Нейи, чтобы навестить господина де ла Осрей.

— Он много раз просил, чтобы вы приехали, — сказала сиделка. — Видимо, он чем-то очень расстроен.

У нее сильный камбоджийский акцент. Ее зовут Теви; это молодая женщина невысокого роста, наверное, лет тридцати, чуть полноватая, на голову ниже Васильева, но, похоже, это ее не смущает. Она уже с месяц заботится о Мсье. Гораздо услужливее и любезнее, чем предыдущая, — та была приветлива, как тюремная дверь...

Да, приятная девушка. Васильеву прежде не представлялось случая по-настоящему с ней поговорить, ему не хотелось выглядеть, как... ну, вы понимаете...

— Видите ли, когда у тебя вечернее дежурство, всякий раз не знаешь, когда оно закончится... — оправдывался он.

— Да, у нас то же самое, — ответила Теви.

В ее голосе не было упрека, однако Васильев был из тех, кто постоянно чувствует себя в чем-то вино-

ватым. Теви работала в очередь с другой сиделкой, но чаще дежурила она; впрочем, ему так и не удалось вникнуть в их расписание: по телефону почти всегда отвечает она, и встречает его, когда он навещается к Мсье, тоже она.

— Перезвоните, когда закончите, — добавила Теви. — Я вам сообщу, стоит ли еще ехать...

Что означало: на ногах ли еще господин де ла Осрей и не слишком ли он устал. Старик много спал, и моменты бодрствования были непредсказуемы.

Поскольку в двадцать один сорок пять пришел коллега Майе, чтобы сменить Васильева, больше никаких отговорок не оставалось: значит, в Нейи.

Васильев был достаточно труслив, чтобы прибегать к уловкам, но слишком честен, чтобы придумывать оправдание.

Он нехотя надел куртку, погасил свет и понуро вышел в коридор, утомленный сегодняшним дурацким днем.

Васильев. Рене Васильев. Звучит по-русски, потому что это и правда по-русски. Фамилия досталась ему от отца, высокого крупного мужчины с густыми усами, который навечно застывшим взглядом пристально смотрит из овальной рамки, помещенной в столовой на почетном месте — над буфетом. Папашу звали Игорь. Он соблазнил мамашу 8 ноября 1949 года и умер спустя три года, день в день, доказав таким образом, что он человек точный и пунктуальный. В течение этих трех лет он водил такси по всем парижским улицам, сделал мамаше маленького Рене, а потом как-то вечером, после пьянки со

своими вусмерть напившимися русскими коллегами, которые умели плавать не лучше, чем он, упал в Сену. Его с трудом вытащили из воды, и он умер от сокрушительной пневмонии.

Вот почему фамилия Рене — Васильев.

Васильева зовут Рене, потому что мамаша хотела почтить своего отца — так что инспектор носит имя и фамилию двоих людей, с которыми никогда не был знаком.

От папаша он унаследовал рост (193 см), а от мамаша худобу (79 кг). От отца он получил высокий лоб, широкую грудь, тяжелую походку, светлые глаза и массивную челюсть. От матери — определенную склонность к флегматичности, неисчерпаемое терпение и непоколебимую порядочность. Кстати, что довольно забавно: с виду он крупный, нескладный, костистый, но внутри у него как будто бы пустота — наверняка это от отсутствия мускулатуры.

Лысеть он начал, едва ему стукнуло двадцать. Пять лет спустя выпадение волос прекратилось с тем же коварством, с каким началось, оставив у него на макушке круглый облезлый пустырь — последнее свидетельство битвы, которую все эти годы вела его мать при помощи мазей, сырых яиц с уксусом и других чудодейственных средств. Васильев с невозмутимым спокойствием вытерпел этот решительный бой, в котором мамаша считала себя победительницей. Теперь это был тихий и упорный тридцатипятилетний мужчина. После смерти матери он жил один в квартире, которую прежде занимал вместе с ней и частично переделал, но не слишком.

Леметр П.

Л 44 Змеи в ее голове : роман / Пьер Леметр ; пер. с фр. М. Брусовани. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. — 320 с. — (Звезды мирового детектива).

ISBN 978-5-389-20603-8

Женщина за рулем, владелица годовалого далматинца, едет по шоссе и очень нервничает: на дорогах пробки, а ей сегодня никак нельзя опоздать. Чудом добравшись до места вовремя, она выходит из машины и прямо на улице хладнокровно расстреливает какого-то мужчину и его таксу. Женщина поступает так не в пылу раздражения, а потому, что это ее работа. Она — профессиональный наемный убийца.

Таково первое в череде все более кровавых преступлений, совершенных среди бела дня и абсолютно необъяснимых. Убийца даже особо не прячется, но парижская полиция все равно в тупике. Никому и в голову не приходит заподозрить почтенную вдову, бывшую героиню французского Сопротивления, а она между тем продолжает свое дело, все глубже погружаясь в очень одинокое безумие, ввергая в ужас не только своих жертв, но и заказчиков и раз за разом выходя сухой из воды...

Французский писатель и сценарист, блестящий стилист и тонкий психолог Пьер Леметр, любимец читателей и критиков, удостоенный Гонкуровской премии и других престижных наград за роман «До свидания там, наверху», прощается с жанром нуара, публикуя свой самый первый, но лишь теперь увидевший свет роман — жуткую и завораживающую историю жестокости, старения, одиночества и безумия.

Впервые на русском!

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

Литературно-художественное издание

ПЬЕР ЛЕМЕТР
ЗМЕИ В ЕЕ ГОЛОВЕ

Ответственный редактор Анастасия Грызунова

Редактор Анна Марченко

Художественный редактор Вадим Пожидаев

Технический редактор Татьяна Раткевич

Компьютерная верстка Елены Долгиной

Корректоры Ольга Попова, Наталья Бобкова

Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 25.02.2022. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 10. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

18+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» –
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

Y-RBD-29492-01-R